

18+

Lily Alex

ВИШНЁВКА

Часть вторая

Lily Alex

Вишнёвка. Часть вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51385012

ISBN 9785449831200

Аннотация

Произведения Lily Alex повествуют о приключениях Змея-Искусителя и его компаньона Демона/Ангела Смерти: «Прельстившись красотой дочерей Земли, они воплотились в физические тела». В цикле «Глеб Орлов» Ангел Смерти приобретает тело сибиряка из глухой деревеньки, что приводит к непредсказуемым последствиям. Эта книга – продолжение романа «Ягоды ``Желание``». Следом идёт «Судьба Вишнёвки», «Дела Людей» замыкает цикл «Вишнёвка». «Софочка» – последний роман о Глебе Орлове.

Содержание

Вишнёвка	5
Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	43
Глава 4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Вишнёвка

Часть вторая

Lily Alex

Иллюстратор Екатерина Игоревна Медник
Корректор Дмитрий Владимирович Милютин

© Lily Alex, 2020

© Екатерина Игоревна Медник, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-3120-0 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-3121-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вишнёвка

Часть Вторая

Глава 1

И вот наступил «этот день».

Уже по ту сторону телепортационного портала Глеб тщательно осмотрел тёмный внедорожник, проверил сумки и детские сиденья, и кивнул Чёрнсынам.

Артур сел впереди, Мэри – сзади, к детям, а Глеб – за руль.

Кусты, закреплённые на подставочках, по замаскированным рельсам отъехали в сторону, открывая дорогу до трассы.

* * * * *

...Сидя на стуле Мэри глядела на спящих детей.

День, которого она так боялась, прошёл не так уж и плохо. Она не стала уточнять, как удалось родителям Глеба обойтись без гулянки «на всё село», но встретили их только они двое.

Правда, стол, накрытый в доме, конечно ломился, а Валентина Макаровна подарила ей роскошную тёплую шаль.

Да и дети вели себя совсем не так, как в городе.

Дочка, которую тут же обозвали «Нюра», стеснялась и пряталась за Мэри, а Даниель-«Данила», наоборот, пошёл на руки к Олегу Петровичу не капризничая.

Они специально приехали так поздно вроде как «далеко было ехать».

Мэри ухмыльнулась, вспомнив их прибытие.

Хотя там был гараж, но пока что машину припарковали во дворе.

Артур галантно помог Мэри выбраться с Даниелем на руках. Энн выскочила почти сама. Женщина направилась ко входу в дом, Чёрнсын машинально последовал за ней, но Мэри услышала, как Глеб прошипел:

– Сумки!

– Ах да! – отозвался Артур, возвращаясь к машине...

* * * * *

«Привык, что за него всё делают, – думала Мэри. – А я?»

Она невольно вздрогнула: вошёл Глеб, закрыв за собой дверь спальни и подперев спинкой стула ручку двери таким образом, чтобы её невозможно было открыть снаружи.

Он окинул своим по-орлиному внимательным взором комнату. Дети были в приготовленных для них кроватках, причём на кроватке Ани, в ногах, горделиво красовался розовый горшочек, прикреплённый изнутри к бортику.

Над изголовьем же Даниеля установили ночник с крутящимися цветными огоньками вроде новогодней гирлянды, свёрнутой спиралькой в виде розочки.

Глеб спокойно выключил настольную лампу, стоящую на подоконнике, – и комната заиграла романтическими тонами в свете разноцветных бликов, медленно скользящих по стенам и потолку.

У Мэри рот пересох, и сердце заколотилось неровно. Она схватила бутылку с водой, выпила залпом чуть ли ни половину.

– А ночью на двор не побоитесь идти? – Глеб хмыкнул, раздеваясь.

Ей было стыдно самой признать свои чувства, но сейчас, глядя на него, в полумраке такого загадочного – Смерть пугает, но и зачаровывает, – она ощущала волны возбуждения, дурманящие, щекочущие: и кожу, и самые глубинные части тела.

– А мне раздеваться? – сумела выдать она, сама не узнавая своего голоса.

– Конечно, – отозвался он спокойно. – Кто ж ложится в чистую постель в одежде?

– Так мне ложиться? Уже?

– Можете сплясать сначала, – рассмеялся он тихо.

– А мы детей не разбудим? – протянула она жалобно, и похолодела от его ответа.

– Если орать не будете.

Обречённо, как идущий на казнь, она сняла халатик, повесила его на гвоздик в стене, а сама в «спальных трусиках и лифчике» торопливо забралась под одеяло.

Она сжалась, свернулась в комочек словно первый раз в жизни готовясь принять мужчину к себе в постель.

Но пауза затягивалась, и наконец, сев в постели, она взглянула: Глеб устроился на полу в походном спальном мешке.

– Удивительные вы существа, дочери Земли, – произнёс он на латыни и, сев, повторил уже по-русски: – Ну что вы, бабы, за народ?! Досадно, что не «полез»?

Мэри вспыхнула до корней волос. Она снова легла, отвернувшись к стенке, и обмерла, почувствовав «его» за спиной.

– Уже соскучилась? – вкрадчиво шепнул-выдохнул он, оглаживая её.

Словно водоворот подхватил Мэри, но, тренированная, она удержалась на ногах.

Женщина оглянулась – и её душа наполнилась светлым счастьем.

Она оказалась в летней кухоньке, предоставленной Артуру в качестве «номера в первом классе отеля».

Тут было почти совершенно темно, только красноватый огонёк витал в черноте, как волшебное насекомое, – Чёрнсын лежал в постели и курил.

– Мэри? – изумился он, торопливо гася сигарету.

Для него, Сына Князя Тьмы, темнота не была помехой.

Он «включил» Энергококон, невидимый снаружи, но по-

мещение слегка осветилось, достаточно, чтобы и Мэри могла видеть.

Она торопливо глянула на окошки: оба были плотно завешаны красивыми, с вышивкой, занавесочками; дверь закрыта на щеколду. И, засмеявшись, Мэри забралась к Артуру в кровать, как и предсказывал это Глеб Орлов ещё там, в Городе.

* * * * *

Когда какой-то странный звук выдернул её из темноты сна, и Мэри рывком села в кровати, она не сразу поняла, где находится.

«А... это петух...» – сообразила женщина, оглядываясь. Она обнаружила себя в той же постели в своей «семейной» комнатке.

Она вздрогнула, вспомнив вечер.

«Он ведаёт снами, – подумала она об Орлове. – Вдруг он просто наваял мне мечты об Артуре, а сам... Нет-нет. Глеб слишком его уважает...»

Она была наедине с детьми. Энн сидела на горшочке, играя снятым памперсом. Увидев, что мать смотрит на неё, девочка, хитро улыбаясь, надела памперс на голову, уже зная, какая последует реакция.

Да, Мэри кинулась «наводить порядок», а Энн только это и ждала. Она «включила сигнализацию», но, когда в комна-

ту вошла Валентина Макаровна, девочка тут же замолчала, испуганно глядя на приблизившуюся бабушку.

– Что орёшь? – сурово спросила бабка.

– Давай тряпки! – она обратилась к Мэри.

Покопавшись с критическим видом в куче одежды, бабушка выбрала плотненькое платице, секундой передела девочку, надела носочки и резиновые сапожки.

– А памперс? – пискнула Мэри робко. – Она иногда заигрывается...

Не отвечая, Валентина Макаровна поставила девочку на пол.

– Без трусиков? – настаивала молодая женщина. – Насекомые же заползут...

– Тебе б в башку залезли, – спокойно отозвалась бабка, – чтоб там хоть что-нибудь шевелилось.

Она подошла к кровати Даниеля и, поджав губы, долго смотрела на него.

Он, как всегда, лежал, разглядывая ручки. Бабка покачала головой.

Она достала огромное полотенце скорее скатерть. Сняв с малыша всю одежду, бабка завернула его как куклу и понесла прочь.

– Стойте! – потрясённая, Мэри подхватила дочку и кинулась за ней следом.

– Куда вы несёте его? Куда? – чуть ли ни по плечо своей рослой свекрови, Мэри чувствовала себя настоящей ку-

рицей, у которой уносят цыплёнка.

Огромная дочка выскальзывала из её рук, женщина едва удерживала её.

«Это бред... – у Мэри голова шла кругом. – Что она делает?»

Она чуть не свалилась со ступенек. Артур сидел на крыльце и курил. Сунув ему Энн, Мэри снова заголосила:

– Валентина Макаровна!

– Машка!

Она не среагировала.

– Мэри! – голос Глеба прогремел как раскат грома.

Она дико глянула на Орлова: он шёл по двору с полными ведрами воды. Мэри слышала, как за её спиной засмеялся Чёрнсын.

– Глеб! – она уже чуть не плакала. – Твоя мама...

– Мария! – он отозвался сурово. – Она Хозяйка здесь!

Поскуливая словно собачонка, Мэри потрусилась за свекровью.

Валентина Макаровна вышла за пределы усадьбы на луг.

Развернув Даниеля, она, что-то приговаривая, покатила его по траве, мокрой от росы, словно полено, как чурку какую-то!

Мэри стояла, окаменев, она даже вдохнуть не могла.

А Валентина Макаровна, сильно растерев малыша, закутала его и передала матери.

– Пойди, одень.

Мэри потрогала сына. «Он даже не холодный...» – изумилась она.

Но тут мальчик по-настоящему поразил её.

Повернувшись к Валентине Макаровне, он «взглянул» на неё и чётко даже сердито произнёс:

– Баб!

– Вишь! – умилилась та. – Он меня «баба» назвал!

Мэри не ответила. «Это» было гораздо «большее».

Они даже не подумали учить его русскому. То, что сказал Даниэль, не было словом «бабушка». Это было слово «bad». «Плохая». Ну, или хотя бы «плохо».

Прижимая к себе сына, Мэри молча вернулась к дому.

– Доброе утро, мадам Орлова! – обратился к ней Артур, ухмыляясь. – Ах, Валентина Макаровна! Что же вы так гостей пугаете?

– Это ты меня, Артурка, напугал сегодня! – отозвалась та и, повернувшись к Мэри, пожаловалась.

– Выхожу утром, а он – мне навстречу с ведром: Зорьку подоил! Как далась только?..

– А я ей на дудочке сыграл! – Чёрнсын достал флейту и начал что-то наигрывать.

– Стыдоба какая! – Валентина Макаровна не могла успокоиться.

– Где я родился, коров мужчины доят! – Артур подмигнул Мэри, а та слегка нахмурилась: «Обмануть, не соврав».

– А ты что, мать, не помнишь что ли?.. – подошедший

Олег Петрович вступил в разговор.

– Мамка моя тоже в Литве родилась, – объяснил он Мэри. – Тогда везли их сюда эшелонами полными. А она красавица была, Царство ей Небесное, замуж выскочила да тут и осталась. Мне рассказывала, как там именно мужики доят.

– Бусурмане они и есть бусурмане, – проворчала бабка, отходя по своим делам.

Мэри замешкалась на секунду возле Артура.

«Ну, и как я спрошу его? – думала она: – Посещала я тебя этой ночью?»

Так ничего и не придумав, женщина прошла к себе в комнату.

* * * * *

Это был их первый завтрак в деревне.

Мэри кормила Даниеля кашей, а мальчик задумчиво крутил в руках красивую резную деревянную ложку.

Валентина Макаровна посадила Энн рядом с собой, и девочка уплетала оладушки, даже не пытаясь играть едой как там в городе. Только однажды, когда схватив тарелку, Энн хотела её облизать, бабка спокойно забрала тарелку и, поставив обратно, строго произнесла:

– Не ба́луй!

– Нь ба́у, – послушно согласилась девочка, протягивая ручки ещё за оладушками.

– Она и так толстая! – не выдержала Мэри.

Ей никто не ответил – и она снова занялась сыном.

Мэри никогда в жизни не чувствовала себя такой никчёмной.

Вся её помощь в подготовке завтрака ограничилась нарезкой хлеба и весьма условным накрыванием на стол.

К печи её и близко не подпускали, а с погребом вообще получилось такое...

Мэри сама уже не помнила, что именно Валентина Макаровна велела принести, но, оказавшись в холодном полутёмном помещении, молодая женщина совершенно потерялась.

Она не понимала названий, аккуратно написанных на банках и мешочках, спотыкалась о бочки и бочонки, пока наконец свекровь не устроила ей «экскурсию», буквально, тыча носом и объясняя, где и что...

– Вы сколько времени молоко кипятили? – поинтересовалась Мэри, видя, как Валентина Макаровна наливает Энн уже вторую кружку.

Свекровь не ответила, Олег Петрович ухмыльнулся сквозь усы, – и у Мэри просто руки опустились от ужаса.

– Я Зорьке вымя обмыл, Мария Михайловна, не волнуйтесь, – Чёрнсын лукаво покосился на неё.

Глеб также демонстрировал свою характерную улыбку, и в очередной раз Мэри подумала: «Это просто кошмарный сон... Это его штучки-дрючки».

После завтрака решено было, что Глеб займётся хозяйством, отпустив Чёрнсына с дедом и детьми в лес.

– Обещал медведя – покажу медведя, – объяснил Олег Петрович. – Шкура у него сейчас никудышная, но животная вредная. Вон забрался тут к соседям: овечку задрал, собаку задавил. А место для засидки приглядеть надобно заранее.

Конь Огонёк, тёмно-гнедой, ласковый и спокойный, привлёк внимание мальчика.

– Плюс... – заявил он, трогая бархатный нос огромного животного.

Для Энн же, казалось, всё равно было куда залезать: на дерево, лестницу, или в данном случае на коня.

К невероятному облегчению Мэри ей позволили переодеть дочку в спортивный костюмчик и даже надеть памперс.

Она сама не могла понять свои чувства. Там, в городе, она виделась с детьми всего несколько часов, а то и меньше, строго по расписанию, – и ничего!

А сейчас глядя на них, удаляющихся от неё прочь, женщина еле сдерживала себя, чтобы не закричать – и не рвануться следом.

Растерянная, она стояла у ворот, пока громкое «здрáсти!» ни вывело её из «столбняка», вернув в реальность.

Вздвогнув, Мэри взглянула на рядом стоящую женщину,

где-то ровесницу Валентины Макаровны. Явно соседка ли, односельчанка, но она с любопытством осматривала Мэри с головы до ног.

– Валя-то дома?

– Да... Ой, извините! Здравствуйте, – Мэри торопливо впустила соседку.

Она тут же увидела свекровь с ведром, полным чего-то вонючего. По тому, как нахмурилась Валентина Макаровна, Мэри поняла, что та совсем не рада эдакому вторжению.

– Я яичек попромить заскочила, – ухмыльнулась Соседка, показывая лукошко.

– А твои нестись перестали?

– Те чё, жалко?

– Не собирали ещё.

– Ну невестка, чай, поможет?

Опасливо косясь на свекровь, Мэри осторожно взяла лукошко, замешкалась.

– Там, – показала Валентина Макаровна.

– Даже курятник не знает где? – подколола Соседка.

– Они вчерась только, на ночь глядя, приехали!

Не слушая их перепалку, Мэри почти бегом направилась к курятнику.

Её передёрнуло от запаха.

Куры уже ходили по двору, и женщина стояла в растерянности: «И где же яйца?»

Она оглянулась: вдоль стен, как полочки, стояли ящички

с торчащей оттуда соломой.

Перья были везде даже и сейчас кружили в воздухе: и у Мэри першило в носу.

Она осторожно засунула руку в домик, перекосившись от отвращения, покопалась в пуху и травинках.

– Ой, мерзость какая, – простонала она.

Выдернув руку, Мэри брезгливо вытерла ладонь о брючину тренировочных штанов.

Следующее гнездо тоже было пустым.

«А там ли я ищу?» – засомневалась она. Женщина предпочла бы умереть, чем показаться перед Соседкой с пустым лукошком.

К счастью, в следующем ящике её пальцы, наконец, коснулись скорлупы.

Мэри достала яйцо, и её чуть не вырвало от вида и ощущения следов помёта.

Борясь с тошнотой, она проверяла гнездо за гнездом, увлеклась, и осматривала ящики уже с азартом.

Набрав чуть ли не полное лукошко и гордясь собой, Мэри двинулась к выходу.

Она уже видела двух пожилых женщин, поджидающих её снаружи.

Вдруг, какая-то заполошная курица с громким кудахтаньем вылетела ей чуть ли не в лицо.

Взвизгнув от неожиданности, Мэри инстинктивно взмахнула руками, подкинув лукошко так неловко, вернее так лов-

ко, что оно полетело прямо к ногам Соседки, а яйца, как метеорный след, шлёпались следом эффектно, с брызгами, разбиваясь о порог и камни, тщательно уложенные перед входом...

– Циркачка малахольная! – завизжала та, отскакивая. – Ну, невестушка у тебя, дура безрукая! Как она с мужними-то яйцами разбирается, раз уж с курьими не может! Привезли корову! Смотри, всю обляпала!

Мэри стояла, закрыв глаза.

Такого сильного желания «умереть» она не испытывала даже там, в здании Корпорации, когда выронила батарейку мобильного.

– За своими последи! – вдруг услышала она голос свекрови. – Она директорша фирмы, а не птичница! Тут мозги нужны. Это тебе не хвосты коровам крутить да в навозе возиться, как сыночек-то твой!

– У меня-то парень хоть и дояр, – огрызнулась Соседка, поднимая лукошко, – да не убивец!

– Глеб – хирург! – выкрикнула Мэри, становясь рядом со свекровью, как в бою, плечом к плечу.

– Да, на букву «х», – бабка обращалась больше к Валентине Макаровне. – Чё энто ты, Валенька, за директорш городских заступаться стала? Теперь уже Олежке своему на дом пригласила?

Свекровь выплеснула помои ей прямо в лицо.

Та перевела дыхание явно чтобы ответить соответствен-

но, но вдруг глаза её округлились от ужаса и, глядя им за спины, она заголосила как резаная:

– Ой, батюшки, убиваютъ!

Женщины оглянулись и увидели Глеба с топором в руке. Мэри взвизгнула, прижала ладони ко рту.

Уронив ведро – оно с грохотом покатилося – свекровь её кинулась, растопырив руки, как птица – крылья, загораживая Соседку.

– Нет, Глебка, нет! Уйди от греха подальше!

– Да я просто дрова колол! – крикнул он, осознав, как они восприняли его появление.

Он плюнул и быстро ушёл.

Валентина Макаровна развернулась к Соседке.

– Иди-иди! – сурово бросила она. – А то я Барсика с цепи спущу!

Переменяя речь такими оборотами и выражениями, какие Глеб явно не вложил в сознание Мэри, постоянно оглядываясь и плюясь, соседка направилась к воротам.

– Да я вашего Барса отравлю как-нибудь! – было единственное вразумительно-нематерно: – Опять нашего Бармалея порвал!

– А неча к нам во двор забегать! Дед мой думал: «Волк» – с берданкой выскочил. Скажи: «Спасибо, что не застрелил!» Вон Глебка ему ружьё новое привёз...

– То, из како людей невинных ложил? – Соседка напоследок заглянула в ворота.

Свекровь направилась к конуре, а Мэри выбежала через калитку заднего двора, выходящего в лес.

– Нет, Глебка, нет! Уйди от греха подальше!

Глава 2

Покинув пределы усадьбы, Мэри так и бежала по постепенно сужающейся дорожке, затем по тропинке, которая тоже становилась всё менее протоптанной и, наконец, вообще затерялась в лесной траве.

Женщина замедлила шаги, брела вся в мыслях, машинально отодвигая ветки, дотрагиваясь до стволов.

Она не замечала мужчину, следовавшего за ней от самой деревни.

Выйдя на край полянки, она села на бугорок, обхватила колени, и так и сидела, пригорюнившись.

– Меня ждёшь?

Услышала она хриплый мужской голос. Он говорил по-русски.

Мэри подняла глаза. Ему могло быть: и сорок, и пятьдесят. В потасканном тренировочном костюме, явно поддатый, он потягивал папироску, обводя женщину оценивающим взглядом.

Горожанка, смотревшая на него с таким презрением, настолько контрастировала с местными словно была канарейкой в стае воробьёв.

Вроде бы скромный брючный костюм, вопреки своему назначению, не скрывал аппетитных форм, а даже подчёркивал их.

В свое время именно это волнующее сочетание, крупной груди и «осиной» талии, поразило Артура Чёрнсына, когда он впервые увидел Мэри, там в спортзале монастыря, затянутую в гимнастический купальник изумрудного цвета...

У мужчины промелькнула мысль: «Сиськи у неё небось резиновые...», но для него это служило дополнительно привлекательным нюансом. Остальные мысли и чувства просто глохли, заглушаемые «основным» инстинктом.

Он кинулся на неё уверенно, но женщина откатилась в сторону так ловко, что его пальцы не коснулись даже её одежды.

– Ты из Вишнёвки или «зэк» сбежавший? – поинтересовалась она совершенно спокойным тоном.

– Играться хочешь? – не оставляя попыток схватить её, он объяснял ей в своих словах и выражениях, что планы свои насчёт неё он менять не собирается.

А она уворачивалась от него запросто – результат более чем двадцати лет почти ежедневных тренировок.

Мэри попыталась задать ещё несколько вопросов, но видя что он только звереет всё больше и больше, развернулась и нанесла свой знаменитый удар ногой по силе сравнимый с пинком лошади.

Он лежал на спине, едва дыша: каждый вдох причинял такую боль, что сознание мутнело.

А Мэри с невозмутимым выражением лица провела над его грудью и животом рукою, проверяя Энергетикой серьёз-

ность травм.

– Три ребра, – отметила она вслух. – А печёнка у тебя уже как губка из-за выпивок постоянных! Ты, братец, уж одной ногой в могиле, а всё х*** контролировать не научился...

– Ах ты, *** ***, – не сдавался он. – Да я твою девку в болоте утоплю...

– В этом? – она кивнула слегка влево и вперёд.

Уже трезвея, он не ответил, почувствовав намёк в её голосе.

Мэри выпрямилась, и он увидел: по бокам с ней – двое мужчин в камуфляже.

Подхватив его за подмышки, они спокойно поволокли его вперёд.

А он-то как местный знал: та полянка, на которую смотрела Мэри, была опаснейшей трясинной, в которой даже лоси и коровы, попав в неё, тонули.

Совсем недавно одну пытались тащить аж трактором, но вскоре пришлось отцепить трос, который тоже исчез в глубине болота...

– Вы чё, мужики?.. – пробормотал он, потрясённо.

Он дёрнулся. Но даже в своей самой лучшей форме он не смог бы вырваться, а уж сейчас с проломленной грудной клеткой...

Слегка «взлетев», не касаясь поверхности трясинной, они подобрались к топи и отпустили его ногами вниз.

Он сразу увяз выше пояса, а те двое также по воздуху вер-

нулись к женщине на берегу и заняли своё место рядом с ней.

– Да вы что, совсем ох***! – не в силах поверить в реальность происходящего, он инстинктивно мотал руками, чувствуя, – его неотвратимо затягивает.

– А не ты ли ох*** матери такое говорить? – поинтересовалась она ровным голосом.

– Да я же... Господи! Машенька, правильно? Ох, нет... – жижа плескалась уже на уровне его груди.

– Да я сдуру... Да я спьяну... Мария, простите, отчества вашего не помню! Ох, спасите... Мужики... Ну, скажите ж ей, что по пьянке не ляпнешь?! – он уже рыдал, отплёвываясь от ряски, заплёскивающейся в рот.

«Всё равно захоти – не вытащат...» – мелькнула у него в голове последняя мысль...

* * * * *

...Он увидел женское лицо склонённое над ним.

Такое нежное как облака и то во сне только бывают. Золотистые волосы обрамляли его словно нимб.

Ничего не болело, наоборот, голова мыслила чётко и ясно как никогда прежде.

– Я в Раю, да? – спросил он удивлённо.

– Пока не заслужил, – она ответила серьёзно. – У тебя ж самого двое деток: как же язык такое только повернулся сказать?!

Он рывком сел. Тех двоих нигде не было видно, а женщина сидела рядом с ним всё также на берегу.

– Это чё было-то? – он дико глянул на неё.

– Как ты мог полезть ко мне? – настаивала женщина: – Глеб же одноклассник твой бывший!

– А ты... Вы откуда знаете? Чё, у него мои фотки есть?

– Всё у него есть. Так как, Сергей Константинович?

– Да просто: «Серёга...» – он провёл рукой по лицу и невесело посмотрел на тину и водоросли на ладони. – Ну, бес попутал...

– Не ври! – её голос хлестнул его как плётка: – Ни одного демона не было рядом!

– Да ты знаешь: кто твой Глебчик, дура? – его трясло, он машинально пощупал по карманам в поисках папирос.

Она снова подала знак – и он вздрогнул, видя одного из «тёх» парней, протягивающего ему зажжённую сигарету.

Сергей взял предложенный подарок и жадно затянулся, уже с любопытством следя как солдат шагнул обратно в кустарник.

– Спецназовцы? Круто. Значит, правда, Глебка с мафией связался...

– Расскажешь в деревне?

– Ага, решат: до летающих слоников допился. Поймай-ка... – его аж пот прошиб. – Это какой спецназ по воздуху-то?.. Да и вытащили меня как?

– Скажу: «Словом Божьим» – смеяться будешь.

– Смеяться? – он только головой покачал. – Да я в церковь завтра же поеду: свечек поставлю... Вот те крест – завяжу! Действительно, двое у меня, третий на подходе... А от Глебки беги! Васька, братан мой, в Питер ездил тогда. Глеб-то, пользуясь «красотой своей неопишуемой» у баб деньги выманивал. «Одна, – говорят, – повесилась вовсе» – он у неё фирму продать умудрился, а деньги в загранку перевёл. Да видать за ж*** взяли, раз он на дно залёг. Во объявился! А я слышал, у вас тоже фирма, так что явно следующей и будете!

– Всё не так, – Мэри перевела дыхание: – Того Глеба считай уже и нет. Он образование получил. Патологоанатомом работает... Слышал такое слово?

– Я вуз технический закончил, – хмыкнул Сергей. – В городе у меня заказов полно. Сегодня вот только расслабиться думал... Да уж, отдохнул нах***.

– Ну вот и Глеб считай тоже. Видел, мужик с нами приехал? Так вот он – босс его.

– Да, я слышал. Вся Вишнёвка с мая только и болтает об этом.

– Ну вот, объясни семье, друзьям. Глеб – совсем другой человек теперь.

Она улыбнулась: «Обмануть, не соврав».

Поднялась.

– Пойдём?

– Да нет, идите одна, – он покачал головой: – А то сплетни пойдут. Я покурю маленько. Очухаться надо.

– Ну, бывай тогда, – Мэри медленно пошла обратно в сторону деревни, оставив его одного сидящим на берегу.

* * * * *

Мэри уже подходила к деревне, когда изящный рыжий зверёк неожиданно выскочил перед ней и сев перегородил дорогу.

– Что это ты моим болотом пользуешься как своим? – Лисица смотрела на Мэри.

Женщина замерла. Она всё больше втягивалась в спиритуальный мир, но стадии способности «разговаривать» со зверями она ещё не достигла.

– Простите, не знала, – Мэри очень не хотелось идти на конфликт с кем бы то ни было. – Я сама – владелица недвижимости. Чем я могу компенсировать вам моё «вторжение»?

– Абы где с детьми не купайся, ясно?

– Простите, а как я узнаю, где можно?

Лисица поднялась, вильнув хвостом, отбежала в сторонку.

А на дороге Мэри увидела белый рулон ткани и подойдя, подняв его, поняла, что это рушник.

Она развернула его. Это была, как карта, схема реки того отрезка, что шёл вдоль деревни.

– Это где синими цветочками помечено? – уточнила Мэ-

ри.

– Правильно, – отозвалась Лисица, удаляясь. – Только све-
крови не вздумай показывать: она нас, духов лесных, не лю-
бит!

– Не буду! – Мэри спрятала рушник за пазуху.

Её не удивило, что вышивка была выполнена не красными
крестиками, а «чёрными звёздочками».

– Ух, какая огромная! – услышала она.

Местная девушка, держа ладонь «козырьком» над глаза-
ми, смотрела в ту сторону, куда удалилась лисица. Затем
опустила руку и повернулась к Мэри, откровенно разгляды-
вая её. Та уже не удивлялась.

– Мать говорит, – объяснила девушка, – эта лиси-
ца не к добру появляется. А вы – Марья Марковна?

– Михайловна, – поправила Мэри, доброжелательно улы-
баясь. – Можно: «Маша». Я же не намного старше тебя.
А ты?

– «Лиза Носова». Моя мамка в следующем классе за Глеб
Олеговичем училась. До сих пор сохнет. Говорит: «Не изме-
нился почти, как уехал». Он чё, законсервированный был?

– Ну, вроде того, – Мэри рассмеялась. – Ничего, сейчас
стареть начнёт, заметите...

– А тот, чёрненький-то, и есть «Начальство»?

– «Чёрный?» – изумилась Мэри.

Она-то употребляла это слово только для чернокожих.

– Ну, он чё, кавказец?

– Конечно, – машинально ответила Мэри, так как привыкла, что всех европейцев относят к расе Caucasian¹.

– А так, в Питере обитает?

Мэри почувствовала поднимающуюся волну ревности: «Эй, девочка, – напомнила она себе, – следуй сценарию».

– У него бюро похоронное, – уточнила она холодно.

– А Глеб Олегович на труповозке работает? – продолжала расспрашивать Лиза.

Раздражённая, Мэри направилась к дому, а девушка так и следовала за ней.

– У него много обязанностей, – сдержанно объяснила женщина, – Глеб – его правая рука... Ты же вроде шла куда-то?

– Мамка в магазин послала...

– Ну, вот и иди! – заскочив в калитку, Мэри закрыла её за собой, но девушка не ушла, а, опершись сверху, продолжала следить за Мэри.

Мэри была рада, что здания усадьбы, расположенные полукругом, загородили её от «преследовательницы».

На дворе у Орловых был устроен навес со скамейками, и там сейчас сидела Валентина Макаровна. Мэри осторожно приблизилась к ней. На столе стояла бутылка с чем-то и несколько тарелок со всякими домашними закусочками.

– Садись, Машенька, – ласково позвала Валентина Макаровна, – пображничаем.

«От выпивки не отказываться!» – обречённо вздохнув,

¹ В переводе означает: и «кавказец», и «европеец» или «белый».

Мэри смотрела, как свекровь наливает ей розоватую жидкость. Она взяла стакан аккуратно двумя руками, понюхала. Чарующий аромат вишни перебивал все остальные запахи, и Мэри осторожно попробовала.

К её удивлению, это не было таким крепким напитком, как она ожидала, так что женщина глотнула уже смело и даже улыбнулась, наслаждаясь мягким теплом, расходящимся по телу.

Стояли самые жаркие часы дня, хотелось так и сидеть просто глядя в пустоту, ни о чём не думая. Даже куры куда-то попрятались.

– А наши когда вернуться должны? – спросила Мэри, борясь с дремой.

– Дак к вечеру, небось, только.

– Простите меня, Валентина Макаровна, – выдавила Мэри, – за утреннее-то...

– Да ну её! – Бабка махнула рукой. – Спасибо за подарок-то. Знаешь, любопытно было. Ну, чё там свекрухе привозят: платок, посуду? А твой приборчик мне сердце растопил.

– Валентина Макаровна, – Мэри сама почувствовала слёзы в глазах, – просто на уроках труда (подобрала Мэри российский аналог) я видела, как наша... учительница... мучается, вдевая нитку в иголку. Ну, я и подумала...

– Уж обновила утречком, – рассмеялась пожилая женщина. – Нет, так и надо Шурке, хорошо ты ей яйцами запусти-

ла! Тварь такая, вот ведь, змея, знает, чем поддеть!

Она снова налила себе, а Мэри сидела, зажав свой стакан в ладонях.

– Все детки Богом даются, а про Глебку – вообще история отдельная, – Валентина Макаровна говорила, не глядя на невестку.

– Девки мои почти подряд родились, а там, как отрезало! Ну, что уж есть, этих бы поднять да уследить. Старшая уже школу кончила, а Любке, младшенькой, двенадцать было. Мой Олежек с другом на пару в Город поехали, там дачу строили. Директорше фабрики. Вот друг-то вернулся, а Олег мой – нет.

Она замолчала. У Мэри просто сердце остановилось.

– Дружок-то его через пару дней пришёл – бух на колени! «Лучше уж я скажу, чем кто-то, – говорит. – Остался твой Олег там, с директоршей».

Она опять выпила и продолжила со вздохом.

– Я зубы сжала, ходила да головы не опускала! Хоть в меня и пальцами тыкали, да такого наслушалась, что ночью уткнусь бывало в подушку и вою, благо у девок спаленка своя.

– А месяц спустя – вот он здесь, здрастье! Рыдает: «Валенька! Валенька!»

– Девки на нём повисли: «Папонька! Папонька!» – А у меня-то сердце растоптано!

Она оттерла слёзы уголком косынки.

– Не хотела принимать, видеть не могла! Да Бог подсказал – съездила к бабушке. Церковь-то у нас только в селе соседнем, – объяснила она. – А он и говорит: «Безгрешных нет, прощайте – и вам простится!»

– Долго я думала, вспоминала жизнь-то нашу. И решила. двадцать лет мы вместе лямку тянули, как лошадки в дружной паре, что ж сучка какая-то разлучит нас? Простила, пустила... И действительно, Богу, видно, угодно было смиренье моё – родила я Глебушку день в день девять месяцев спустя!

– Здоровенький, ласковый. Девки мои дрались его нянчить. Подрос – на лыжах бегал: никто угнаться не мог. С отцом на охоту ходил: не тока белке – мухе – в глаз попасть мог!

«Пригодилось ему это позже», – поняла Мэри, холодея.

– А из армии, можно сказать, он толком и не вернулся. Так, пару раз приезжал. В «би-а-тлон» он пошёл.

Валентина Макаровна произнесла это слово нараспев, и лицо её осветилось.

«"Биатлон", – Мэри тихонько пила из своего стакана. – Она, наверняка, твердила это слово с гордостью, затыкая рот злопыхателям. "Биатлон" повторяла она, как заклинание, как молитву, цепляясь, как за последнюю соломинку надежды...» – думала она, слушая дальнейшую "исповедь" свекрови.

– И ни слуху, ни духу... Любашка – они с Глебкой ближе всего были – писала, что «не заладилось у него чего-то».

Козни, наверняка, завистники!

«Курил, – поняла Мэри. – Не знаю, выгоняют ли у них за такое, но на дыхалке это не могло не сказываться. А уж если у него такие запои бывали как у теперешнего... Хорошо, сейчас он может Энергетикой кровь фильтровать, а тот парень что делал?»

– А потом слушок пошёл... Да ты знаешь уже. Я даже и не знала, хочу ли я узнать о нём... И вдруг – телеграмма! «Еду...» Я всё поверить не могла! Сколько раз только во сне такое и случалось... Но и дед мой вроде как прочёл – ждали! Мне бы радоваться, а...

Она опять оттерла слёзы:

– Не мать я – камень бесчувственный! Ну, отвык от нас парень, изменился, конечно... Сколько лет не виделись! Мне бы радоваться, а я... Жизнь его здорово, видать, топтала. Уж и обнял меня вроде и сказал, как обычно...

Мэри обмерла.

– А я холод такой почувствовала! Взгляд совсем другой стал. словно смертушке в лицо заглянула... Как подменили мне сына-то!

Она заплакала уже чуть ли не в голос.

– Мне дед говорит: «Не гневи, мать, Бога! Приехал, наконец. А что такой стал – понятно: с мертвяками-то каждый день возиться!» Я уж Глебку спрашивала: что ж ты, мол, работу такую страшную выбрал? А он: «Г*** вывозить кому-то же нужно...»

Она перевела дыхание.

– Но знаешь, доча, когда я в лицо его вглядываюсь... Ведь я каждую ресничечку, каждую бровиночку его помню! Как к титьке приложила... Ты, небось, с Нюркой-то помнишь?

– Я... – Мэри замялась. – Я не кормила... Болела очень.

«На всю башку», – подумала она, злясь сама на себя.

Валентина Макаровна понимающе кивнула.

– Она – Артуркина дочка?

– Нет, слава Богу! – искренне выдохнула Мэри. – Не заладилось у нас с её отцом. Каюсь, по дурости завела её... А у Артура своих детей нет. Ну вот, возится. В бассейн её таскает. Она плавать очень любит.

– Поэтому она его дядей-то зовёт?

– Да...

В данном случае английский язык помог им: слово «daddy»², особенно произнесённое ребёнком, легко воспринималось русскоговорящими как «дядя», а сама девочка была ещё слишком мала, чтобы удивиться, почему она должна звать Глеба «папа».

– Ну, Бог даст, у вас с Глебом тоже детки будут, а? – Валентина Макаровна чуть ли не заискивающе взглянула на невестку.

– Мы думали об этом. – Мэри опять не соврала. – Но, Глеб считает: рановато.

– Да, – Бабка вздохнула. – Ну, может, Бог даст, доживу...

² В переводе означает: «папа», или «папочка».

– Валентина Макаровна! – у Мэри просто сердце разрывалось от сочувствия к той, которая была ей свекровью только на бумаге. – Мы... Хотите, мы на Рождеств... На Новый Год к вам приедем?

– На чём? – изумилась та. – На вездеходе?

– Вертолёт арендуем!

– Да! – Бабка просияла. – Тут года два назад одному плохо стало, так да, вертолёт из района прилетел, на лёд реки посадили!

– Ну, вот видите!

– Спасибо тебе, доченька!

Они обнялись, и впервые за многие годы Мэри смогла вслух произнести слово: «Мама».

* * * * *

Поздно вечером Мэри сидела на кровати, у стенки, разглядывая Глеба, снова устроившегося в спальном мешке. После небольшой паузы он, не открывая глаз, поинтересовался:

– Вы так и будете сидеть, как сова, всю ночь? Усыпить вас?

– И что, удобно тебе там, на полу? – отозвалась она в ответ.

Абсолютно в той же позе, он мгновенно оказался на «своей» половине кровати, даже уже под одеялом.

– Так, конечно, удобнее, – произнёс он невозмутимо.

Мэри тоже легла, отвернувшись к стене, буквально, физически ощущая «барьер» между ними, словно положенный в постель обнажённый меч.

– Это твоя или моя Энергетика? – раздражённо спросила она, снова садясь.

– Нас обоих, – объяснил Глеб спокойно. – Вы – по-прежнему жена Артура, а я – начальник его охраны.

Он, наконец, открыл глаза и взглянул на неё как собирающийся взлететь беркут.

– Вы почему парням не позволили сразу вмешаться там, на болоте?

– А вот, именно, как жена Артура я и не обязана отчитываться!

– Как раз обязаны! Для чего было изводить столько Энергетики? Зашвырнули бы они его в топь прямо с берега – вообще ни капли бы потратить не понадобилось!

– Я понять пыталась...

– Да тут каждый третий такой, – Орлов хмыкнул. – Золотые руки, да и душа неплохая, а как выпьет... Да вы сами на моём примере знаете! Никакой Энергетики не хватит всем печёнки лечить да от пьянки кодировать!

– Как в «Молчании ягнят», – возразила женщина. – Спасти хотя бы одного! А ты, Глеб, тоже забываешься! Сценарий принят – изволь следовать ему! Ты сюда приехал не как киллер, от закона скрывающийся, а как уважаемый врач! Обойди односельчан, начни с одноклассников! Вон девчонки, са-

ми матери, а помнят, как ты их за косички дёргал да портфель из школы носил, а потом им же и лупил их!

Оба рассмеялись. Орлов сел тоже, и Мэри заметила, что он и смущён и растерян.

– Что не так? – насторожилась она.

– Хозяин прав в этом плане оказался, – объяснил он, покусывая губу. – Был бы я человеком – проблемы бы не было.

– Объясни же мне, наконец!

– По сценарию мы «медовый месяц» провести приехали, а до сих пор «кроватью не поскрипели». Могу поспорить, старички вторую ночь прислушиваются. Ну, что вы так смотрите? Деревня это. Бывает, деток на лавке под окном заделывают, а старшенькие с печки подглядывают.

Мэри с трудом перевела дыхание.

– Значит, чтобы «в роль войти» тебе надо е*** меня?

– Этому слову вы утром научились?

– Я с тобой по-английски говорю, – холодно заметила ему женщина.

– Да, действительно, – он помотал головой.

– Ну, и в чём проблема-то? – она решительно отбросила лифчик, но, взявшись за трусики, замешкалась.

– Ты уверен... – замялась она. – Ну, что наговор сработает?

– Ой, Хозяюшка, да я когда-нибудь подводил вас?

– Ну, и ладно, – пробормотала она, избавляясь от последней части своей одежды. – С меня не убудет.

Не закрываясь одеялом, она легла поудобнее.

– Можешь даже пощупать, если нужно дополнительно «вдохновиться».

– Не нужно, – он рассмеялся тихонько. – Этому телу ваше всегда очень нравилось.

– Да? А ты меня как Роджер Сатани привлекал гораздо больше, – призналась Мэри со вздохом. – Несмотря на возраст... Такой солидный, а ты...

Хищно оскалившись, она рванулась к нему:

– А ты – пацанчик!

Мэри повалила его на спину:

– А с пацанчиками разговор короткий!

Она забралась на Глеба, как оса-наездница – на насекомое, подготавливающая его в пищу своим деткам. Он не сопротивлялся, с улыбкой следя за её действиями.

– Ну, как? – прошептала она, изгибаясь. – Достаточно громко мы скрипим?

– Не-а, – он перевернул её властно, уверенно.

Такой огромный, мощный, он подмял её как медведь, навалился, подобно одному из его тигров: перебирая, ухватывал губами её уши и кожу на шее, тёрся лицом, подмурлыкивая.

– Машенька, мышенька моя мелкая, – шептал Глеб, смешивая русский и латинский. – Пчёлка, оса ты моя ядовитая!

Она вцепилась в металлические прутья изголовья кровати, своими сильными, тренированными, ногами обхватила

его мускулистое тело, отдаваясь, следуя его мощным движениям.

«Ну и пусть», – думала Мэри, концентрируясь только на физических ощущениях.

Она надеялась, что «основной инстинкт» возьмёт своё, так и случилось, но когда она проваливалась в столь вожделенную темноту – без стыда, без мыслей, без сожалений и сомнений, – это чувство не было похожим на ощущение полёта сквозь звезды, как она часто испытывала с Артуром...

Просто покорное принятие неизбежности происходящего, подобное тому чувству, что охватило Анну Каренину, когда она осознала: колеса не поезда, а самой судьбы сокрушают её...

* * * * *

– ...Машенька... – нежный зов вернул её в реальность.

По-прежнему, в ней и на ней, Глеб лежал, опираясь на локти, массируя, лаская её уши, перебирая волосы возле шеи.

Он улыбался, но, когда их глаза встретились, его улыбка погасла.

– Тебе... не понравилось?

Она погладила его щёки:

– Ты не виноват... Никто не любит Смерть...

– Я не Смерть, – его магические губы снова коснулись её

уха. – Я муж твой. Который любит тебя.

У Мэри дыхание перехватило.

– Ты же... Ты же не можешь лгать! Ты говорил, что ненавидишь меня!

– От любви до ненависти – один шаг, – отозвался он, целуя её в губы. – От ненависти до любви – одно дыхание... Я ненавидел тебя, потому что знал – люблю...

Она снова обняла его, но теперь уже чувство близости с ним было совсем иным.

– Садись, Машенька, пображничаем.

Глава 3

Знакомый детский голос, звонкий, с подвизгиванием, разбудил Мэри.

Она была в постели одна, но, сев, женщина обнаружила, что детей тоже нет в их кроватках: Энн орала явно снаружи, и её голос удалялся.

И вдруг – тишина...

Мэри сама не знала, что напугало её больше.

«Глеб забрал их!» – как молния ударила её, и женщина вскочила, задыхаясь от ужаса.

Буквально, впрыгнув в первые попавшиеся тренировочные, всё также без лифчика, натянула футболку прямо на голое тело, кинулась к выходу.

Уже только в сенях она осознала, как смотрится её грудь, и, ухватив шаль-платок, подаренный свекровью, накинула на плечи, выбегая наружу.

Олег Петрович сидел на нижней ступеньке лестницы, Энн носилась по дворику, гоняясь за курами, и, немного успокоившись, Мэри села рядом со свёкром.

Он держал в руках коробочку с зерном. Девочка подбежала к нему, хватала горсть корма и швыряла в кур. Те с кудахтаньем кидались к угощению, вызывая у малышки неописуемый восторг.

– А Валентина Макаровна Данилку закалять понесла?

– Да. Сходишь туда?

– Нет уж... – Мэри провела ладонью по лбу. – У меня в тот раз чуть инфаркта не было. Я, конечно, понимаю, так надо...

Тут новая мысль испугала женщину:

– А это Валентина Макаровна деток-то забрала?

– С Глебкой вместе, – старик ухмыльнулся сквозь усы. – Что б ты поспала, отдохнула.

«Действительно, прислушивались», – поняла Мэри, краснея до корней волос.

Но ей предстояло принять ещё одну особенность деревенской жизни.

Одна из кур клюнула сапожок Энн. Хотя это никак не могло быть больно, девочка, видимо испугавшись, с рёвом бросилась ко взрослым.

Но, буквально, тут же остановилась, разглядывая молоденькую курочку, почти цыплёнка. Беленькая, хорошенькая, она казалась настоящим голубем, поэтому, когда Энн, протянув руку к птице, произнесла: «Dove!»³, для Мэри это прозвучало настолько естественно, что она и внимания-то не обратила бы, если б её свёкор не заговорил:

– Нет, Нюрка: «Ав!» – это пёсик так лает. А курочка: «Ко-ко!» Скажи, внуча: «Ко-ко!»

– Ко-ко, – послушно повторила девочка. – Дав-ко-ко. Афф!

«Боже, какая же у неё, небось, каша в голове!» – ужасну-

³ В переводе означает: «голубь».

лась Мэри.

А Энн вдруг слегка попятилась и уставилась вниз на струйку между сапожек.

Мэри всплеснула руками:

– Я же говорила: ей памперс нужен!

– Зачем? – искренне удивился старик. – Да! Ты, небось, и не видала никогда, как козочки сикают? Ша силы уже не те, а так: у нас их до шести бывало.

«Может, поэтому тоже мы называем детей и козлят одним и тем же словом: «kids»⁴, подумала Мэри, возвращаясь к себе, чтобы одеться.

Все эти утренние события так поразили её, что она забыла даже спросить: «Где же Артур и Глеб?»

* * * * *

А Глеб, поручив детей своим родителям, закурил и медленно вышел со двора на довольно широкую, по местным понятиям, улочку. Он знал, что серьёзного разговора избежать не удастся.

Артур сидел на лавочке тут же, рядом с воротами.

К крайнему неудовольствию Орлова – Чёрнсын здесь, по документам: «Артур Дариусович Урбанас», – был не один. Две местные девахи примостились почти рядом, разглядывая какие-то фотографии, а ещё одна стояла слегка в стороне, явно разрываема застенчивостью и желанием

⁴ В переводе означает: «дети», «ребята», «козлята».

подойти поближе.

– Ха! – говорил Артур в своей привычной, слегка насмешливой, манере. – Да, у меня и в Голливуде знакомства есть.

– Ой! – воскликнула одна, сидящая слева. – Надька! Глянь, энто ж «твой»!

Стоящая в стороне девушка качнулась вперёд, но подойти не решилась.

– Фотошоп?! – полувопросительно отозвалась другая.

– Как пожелаете, – Артур ухмыльнулся, посверкивая своими жёлтыми глазами. – Я не заставляю вас верить. Был бы фотомонтаж, я подарил бы их вам, чтоб «покрасоваться», а так: автографы настоящие, будьте добры вернуть их мне.

– А чё тут прописано? – [Thanks for the cool time]⁵.

– «Круто время провели», – к удивлению и Артура и Глеба объяснила та, что сидела справа.

– Ну, это ты у нас юзер продвинутый! – злобно бросила «левая».

– Кины смотреть надо! С субтитрами... А чем же это вы там развлекались?

– Извините, я чужих секретов не выдаю, – произнёс Артур таким проникновенным тоном, что у Глеба челюсти свело.

Он-то знал, что грош цена такой патетике, а на женщин, особенно молоденьких, это всегда производило впечатление.

– Артур Дариусович, – обратился он холодно. – Вы завтракать идёте?

⁵ В переводе означает: «Благодарю за хорошо проведённое время!»

– Прошу прощения, прекрасные леди! – так называемый Урбанас поднялся. – Приятно было познакомиться. Привет родителям!

Они зашли во двор, закрыли за собой входную калитку в воротах, и лицо Артура приняло истинное выражение.

– Вы что, и местным девкам мозги будете пудрить? – поинтересовался Глеб. – Смотрите, у них всех – если не парни – так братья, отцы или дяди, а ребят из отряда «R» «засвечивать» без особой надобности не хочется.

– Поэтому я и сел на улице, а не на задворках, – ухмыльнулся Артур. – Да, полдеревни увидеть успело. Но я-то не прятался, разговор совершенно невинный.

Глеб закатил глаза.

– Может, вы домой поедете? Там гораздо проще будет «мобильник выключать».

– А тебе здесь гораздо проще будет мою жёнушку обслуживать?

– Ваша жена в Городе осталась! – парировал Глеб. – А в деревне Вишнёвка как обслуживать мою жену – Машеньку Орлову – мне как её мужу самому решать.

Артур молчал.

– Мальчик мой, – шепнул Глеб, слегка наклоняясь к своему воспитаннику. – Вы же знаете, что нарушить сценарий для меня будет больше, чем человеку пройти через камеру пыток. Но одно ваше слово – и я сделаю это.

– Да ладно, приятель, – Артур хлопнул его по предпле-

чью. – Не надо ничего менять. Давно хотелось свеженьких приключений.

Он направился к дому, а Глеб снова нахмурился и нервно закурил. Он слишком хорошо знал своего Хозяина. «Он так "на тормозах" дело не спустит, – понимал Орлов: – Он явно что-то задумал».

* * * * *

Сегодня опять стояла жара, и Орловы обедали на улице, под навесом.

– Ну что, Артур Дариусыч, – обратился Олег Петрович, – пойдём лабаз доделаем, в ночь засядем? Ветер хороший.

– Медведя-то не получится, – объяснил он Мэри. – Заваляли его уже. Но, может, кабанчика увидим, или косулю.

– А Данилу?

– С нами! – старик улыбнулся. – Мужик ведь! Он, хоть и редко, но поглядывает на меня. Особенно ему усы мои нравятся. Когда подёргает: «Он!», говорит. Понимает ведь, что настоящий мужик: «Он», – раз усы-то!

У Мэри сердце остановилось на секунду, и злорадный взгляд Артура подтвердил её подозрения: «Рон! Даниель скучает о Роне! Но это же невозможно... Он же совсем малыш был. Он не может помнить! Столько месяцев прошло... Не получилось ли, именно, удаление Рона шоковым моментом для него?»

Она взглянула на своего местного, официального, мужа.

Судя по его мрачному виду, Глеб думал о том же.

– А я Аньку на речку свожу, – бросил он, с вызовом глядя на Хозяина.

– Да, конечно, – парировал Артур. – А то в город вернёмся – я снова с ней в бассейн ходить буду. Да и вообще, «всё вернётся на круги своя».

– Обо мне, как всегда, даже и не думают, а? – злобно вмешалась Мэри. – Я тоже на речку пойду!

– Не придумывай! – все четверо воскликнули одновременно.

– Может телик посмотришь? – подколот её Артур.

Мэри вспомнила огромный, в полстены, плазменный телевизор, тоже привезённый Глебом, который смотрелся на фоне остальной обстановки горницы Орловых как белый медведь – на фоне пальм.

Она вздохнула:

– Посажу, повяжу. Давно шарфик Дане связать собиралась.

– Ты вязать умеешь? – удивилась Валентина Макаровна.

– Я – «детдомовка»! – холодно напомнила Мэри.

Она ушла в дом, не оглядываясь, и не видела, какими взглядами обменялись остальные!

* * * * *

Мэри села на крылечко и разложила материалы.

«Серенький фон, и синие кисточки, – думала она, пере-

блрая нитки. – И синих птичек на счастье...»

Некоторое время она молча вязала, растворяясь в монотонном процессе, как во сне под наркозом.

Несмотря на вроде как жару, холодный ветер, время от времени ударял её своими порывами, и женщина просто продрогла.

Словно проснувшись, она взглянула на дворик – и вспомнила утреннее «происшествие» с Энн.

«Хоть на реку-то он взял дополнительные подгузники? А купальник на смену? – думала она. – Мать, называется! Даже не проверила».

Вернувшись в дом, Мэри прежде всего одела тёплую худи, как всегда сочно-изумрудного цвета, затем прошла к себе в комнату, убрала работу.

Она открыла ящик с «причиндалами» Энн, взяла пару купальников и уже машинально задвинула ящик обратно, когда какая-то мысль промелькнула в её голове.

Снова просматривая одежду Энн, Мэри не могла поверить глазам: всё купальнички Энн были здесь!

Женщина взглянула на те два, зажатые в руке, снова пересчитала оставшиеся.

«Куда же Глеб унёс её?» – ужаснулась женщина.

Схватив другой рукой памперсы, она выбежала во двор, затем – на улицу. Тут она остановилась, сообразив, что даже не знает, куда идти. Какая-то местная женщина проходила мимо, и Мэри обратилась к ней:

– Скажите, пожалуйста, как к речке пройти? Ну, где купаются все-то?

– Вы чё, купаться собрались? – вместо ответа местная изумлённо осматривала её.

– Пожалуйста! – Мэри чуть не плакала. – Там дочка моя! Я волнуюсь.

– Та́ма, – смягчившись, женщина махнув рукой вдоль улицы, – у́лка налево повернёт, а вы – так напрямиком и ступайте, под горку.

– Спасибо! – пробормотала Мэри, почти бегом устремляясь в указанном направлении.

* * * * *

Уже издалека слыша громкие голоса, Мэри всё прибавляла шагу.

Чуть не скатившись по крутому склону, она остановилась, выискивая Глеба.

Народа было довольно много, и до неё не сразу дошёл смысл видимого ей.

В заливчике мелком вроде огромной лужи, возились малыши.

Го́лые! Совсём го́лые! Причём и девочки и мальчики играли вместе, и их родителей это явно не беспокоило.

Потрясённая, Мэри повела взгляд дальше.

Она увидела девочек постарше – только в трусиках, а мальчишки, возившиеся в сторонке, даже и не поглядыва-

ли в их сторону.

Мэри зажмурилась.

«Ничего-ничего, – пыталась она успокоиться. – В Африке даже взрослые женщины ходят с голой грудью».

Перед её мысленным взором заплясали мультипликационные дикари в набедренных повязках и с бамбуковыми копьями.

– Глеб Олегыч! – услышала она возбуждённый женский визг. – Ваша Маша тут!

Мэри открыла глаза и сразу увидела Орлова.

Держа Энн, завернутую в полотенце, он смотрел на жену вроде как спокойно, но Мэри видела, что он еле сдерживает себя.

– Ой, чё ж она шубу-то не надела? – крикнула другая деваха, стоя по пояс в воде и отжимая волосы.

– Ж*** тоща – застудить боится! – поддержала другая.

– Зато силиконки потонуть не дадут!

– Да, спасательного круга не надо!

Под дружный хохот и ещё более выразительные комментарии Мэри развернулась и кинулась вверх по какой-то тропинке в лес.

У неё ноги подгибались и, едва деревья отгородили её от купающихся, она опустилась, села прямо на дорожку.

«Лучше б все алкаши Вишнёвки полезли ко мне», – думала она, уткнувшись лицом в бесполезные вещи, по-прежнему зажатые у неё в руках.

– Не обращайтесь на них внимания – вы очень красивая! – услышала она странно знакомый мужской голос.

Взглянув, Мэри увидела солдата из отряда «R», сидящего на дорожке.

Рядом с ним примостился пёс, тоже несуразно огромных размеров, явно помесь: тело у него было, как у сенбернара, но морда и окрас – совершенно волчий.

«Овчарка?» – мелькнуло в голове Мэри.

– Ты что выскочил? – спросила она раздражённо.

– Инструкция... – отозвался он робко. – Вас обидели...

Мэри затрясло. Она поднялась, солдат хотел сделать то же самое, но она прикрикнула:

– Сидеть!

Пёс видимо решил, что это относится к нему – и тоже замер.

Женщина приблизилась, вглядываясь в охранника:

– Имя?!

– Альберто Гонзалес.

– А! Фух! – Мэри перевела дыхание. – У меня и так, в Городе, от тебя де-жа-вю постоянное, а сейчас, с рожей размалёванной, показалось... Вам разве можно с собаками-то?

– Для меня исключение сделали.

– Да, ты у нас – всеобщий любимчик. Интересно, все крупногабаритные парни такие тупые? Помнится, был у нас один парнишка, вроде тебя – дядя-шкаф – тоже все приказы буквально воспринимал, и ахинею нёс, к делу совсем не от-

носящуюся!

– Вы отца Энн имеете в виду? – спросил он холодно.

– Во-во! – Мэри кивнула. – Шила в мешке не утаишь. Ну, сперма-донора я выбрала неплохого.

– Он же вроде как любил вас? – произнёс Альберто с раздражением в голосе, не обращая внимание на предупреждающе зарывавшего на него пса.

– Ой! – Мэри фыркнула. – Да почти вся наша солдатня мечтает переспать со мной, да только тот – дурак был, даже скрывать толком – мозгов не хватало.

– Почему вы не верите, что он искренне любил вас? – солдат не мог успокоиться.

– Заткнись, Арес!

– Да ты, видать, просто толком не знаешь о нём, – Мэри пожала плечами. – Ты-то бандюга, а тот ещё и насильник был. Как у такого монстра язык только поворачивался даже слово «любовь» произносить?!

– Он же вроде покался?

– Да, мне Рон говорил... – Мэри вздохнула. – До сих пор не пойму, что на Рона нашло? Ляпнуть такое! Ведь знал, что запрещено...

Не оглядываясь, она медленно пошла по дорожке вверх.

* * * * *

Когда Мэри вернулась домой, никого ещё не было.

Она положила памперсы обратно в общую пачку, а ку-

пальнички сунула в ящик.

Доставая вязание, она увидела рушник, подаренный Лисицей.

Взяв весь пакет, Мэри снова вышла из дома и, поглядывая на рушник словно на карту, пошла к реке.

* * * * *

Лисица встретила её на самом же краю леса:

– Вечер добрый!

Мэри не могла понять: оскалилась та или улыбнулась?

Рыжий зверёк поскакал к деревьям словно белка, забрался наверх в точности как этот зверёк, а развернувшись на толстой горизонтальной ветке-суку, вдруг превратился в обнажённую женщину.

Её изящное сильное тело, загорелое до золотисто-коричневого цвета, гармонировало с летящей гривой огненно-рыжих волос.

– Принесла пряжу? – спросила она.

– Уже готовые нитки вас устроят? – Мэри показала клубочки.

– Вполне... А что это у тебя?

– Шарфик? – уточнила Мэри.

– Прелесть какая! – Лесная Русалка захлопала в ладоши. –

Можно, я «такбй же» свяжу?

– Да на здоровье! – Мэри повесила сумку с нитками на ветку, а сама прошла вниз, к реке.

Место ей очень понравилось: заливчик, где вода явно прогревалась достаточно в течении дня, а на «пляжике» словно специально набросаны были какие-то деревянные брусочки.

«Да, – подумала Мэри. – Прекрасное местечко. Надо будет как-нибудь прийти сюда с Даниелем».

* * * * *

Дети спали, а Мэри в ночнушке, обхватив себя руками, стояла в спальне у окна, глядя на тропинку в лес, по которой несколько часов назад ушли Артур и Олег Петрович, ведя Огонька под уздцы.

Она слышала, как вошёл Глеб, но не обернулась.

А он приблизился и начал нежно оглаживать её.

– Мышка моя, – прошептал он, целуя ей ухо.

– Отстань! – грустно огрызнулась Мэри.

– Обиделась? Они ж не со зла! Ты – первая горожанка, здесь появившаяся, а я, оказалось, жених завидный был, а уж таперича, как говорится... – он засмеялся, лаская её всё настойчивее.

– Да причём здесь они! – произнесла она с такой горечью, что Глеб остановился.

– А что, милая?

– Обними меня...

Он так и сделал, понимая, что вовсе не сексуальные чувства руководят ею.

– Опять этот козлина ускакал, хвост задравши! – Мэри

заплакала. – Я-то надеялась... Что хоть здесь «мобильник выключать» не будет.

– Так он же – на охоту...

– Какая разница! – Она вырвалась из его рук и снова встала у окна.

– Мне куда ложится? – спросил он спокойно.

– Ай, да куда хочешь!

Она выскочила из комнаты, накинув шаль, села на крыльечко.

Уже совсем стемнело. Где-то лаяли собаки. Отдельные деревенские шумы стихали.

Мэри замерла, расстроенная, потерянная, чувствуя себя такой же одинокой как до встречи с Артуром.

Она сидела долго, очень долго, пока совсем не замёрзла.

Тогда она вернулась в спальню, легла в кровать и сразу заснула, не заметив, что Глеба нет в комнате, и даже не подумав: «А где же всё-таки он?»

Глава 4

Валентина Макаровна возилась у печи, когда её муж подошёл и встал так, что она поняла: он хотел сказать что-то важное. Бабка глянула на него через плечо.

– Что так? – спросила она, вытирая руки тряпкой.

– Знаешь, мать. Ты не смейся тока. Но Артур-то, кажется, ведьмак!

Она нахмурилась.

– Сидим мы в засидке-то, – рассказывал старик, опускаясь на лавку, а жена примостилась рядом. – Ну, я ж Глебкин бинокля взял, ночной который. А Артурка-то: «Вот там! – Вон здесь!» Безо всякого биноклю!

– Это ладно! – перебила его старуха. – Слух, небось, хороший, а ты уж глoenixь!

– Ну, может, и так... – старик задумчиво почесал затылок.

– Вот другое хужее... – она вздохнула. – Точно Машка в Артурку-то влюблённая! Сегодня утречком, как увидала вас, возвращающихся, – чуть Нюрку не уронила! Аж встрепенулась вся, как голубка к голубю!

Она отёрла глаза кончиком тряпки в руках.

– Не напридумывай, мать! – Олег Петрович ласково хлопал её по широкой крепкой спине. – Моя мамка, Царствие ей Небесное, то ж на каждый твой взгляд на дыбы вставала – ты забыла, небось, уж? А тогда по-молодости сколько

раз мне плакалась? А ща сама на девчоночку надумываешь?
– Да, тоже верно... – она решительно поднялась. – Давай иди, не мешайся тут!

Она произнесла это вроде как сердито, но он-то чувствовал, с какой глубокой любовью это звучало.

* * * * *

Этот вечер, казалось, должен был быть одним из самых лучших.

На ужин пожарили шашлык из добытой Артуром косули, и чарующий аромат жареного мяса и приправ наполнял дворик.

Вечерело, дети уже спали, и взрослые наслаждались спокойным отдыхом.

Барс на цепи вдруг поднялся, но не залаял, а, доброжелательно поскуливая, завилял хвостом: во двор вошли две девушки.

С одной Артур говорил позавчера утром, а другая, белёсенькая, с глазами как у той косули, что они завалили в эту ночь.

Двигаясь плавно словно настоящая лебёдушка, она приблизилась к навесу, подталкиваемая в спину другою девахой.

– Вот, с приездом! – заговорила «Позавчерашняя». – Олькина мамка пирогов напекла да моя пяток добавила – угощайтесь.

– Спасибо! – Мэри улыбнулась. – А тебя как зовут?

– Алька! А можно вас «Тётя Маша» звать?

– Конечно... Да просто: «Маша».

– А вы разве не ровесница дяде Глебу-то? – хитро улыбаясь, поинтересовалась Аллька.

– Ты к ней в паспорт не лезь, а «Тётей Машей» зови! – Валентина Макаровна «расставила точки над i».

Она, переложив пироги с поданной тарелки, положила мяса и, также завернув, отдала Оленьке. – От нашего дома – вашему с поклоном!

– Присоединяйтесь, красавицы, к нашему застолью! – Артур вроде бы смотрел только на гостей, а сам прекрасно видел, как Мэри опустила голову, явно страдая, но сдерживаясь.

«Сейчас ты поймёшь, дорогуша, как я тогда себя чувствовал», – подумал он, продолжая обсыпать девушек комплиментами.

Алька краснела, вертелась и теребила косынку, а Оленька, прижав к себе тарелку, застенчиво улыбалась. Её полупрозрачные голубые глаза с длинными ресницами, цвета пшеницы, робко перебежали с лица на лицо.

Барс вдруг залаял радостно, с подвизгиванием, подпрыгивая и звеня цепью.

Во двор вошёл явно местный молодой человек, крепкий, плотно сбитый, хоть и не такой высокий, как Глеб. Он замешкался на минуточку, погладив и пса и лайку Найду, тоже

ласкавшуюся к нему.

Глеб тут же направился к нему и пожал, встряхнул, руку:

– Здорово, Юрка! О, вымахал – не узнать прям!

– А вы, дядь Глеб, не изменились нисколько... Мамка сказала, конечно.

– Ну, город не деревня, – Орлов дружески хлопнул его по плечу. – Чего ж не заходил так долго?

– Работы много.

– Ну, проходи-проходи, вон Оленька твоя как раз заскочила!

Глеб сделал вид, что не понимает, почему молодой человек зашёл именно сейчас.

Глеб и Юра взяли с обеих сторон лавку, до этого стоящую около забора, и поставили её с другой стороны стола, чтобы и гости могли сесть.

Мэри отметила: молодого человека и Оленьку посадили вроде как случайно вместе, но и Артур заметил это тоже.

Он изогнулся словно охотящийся змей, его ухмылочка и вспыхнувший взгляд не сулили ничего хорошего.

– О, – произнёс он вкрадчиво. – Школьная любовь? Да нет, ты ж из армии уже вернулся... Соседушкина дочка? Дождалась-таки своего принца на белом коне? Ах да, теперь-то кони железные? Ба, на тракторе прокатиться – чисто деревенская романтика!

– У меня, может, и не «ЕКХ»⁶ номера, – отозвался Юрий,

⁶ В народе аббревиатуру расшифровывают как «Еду Как Хочу» (есть и более

не отводя взгляда. – Да внедорожник свой!

– Жаль, что не на ходу, – Артур закурил, усаживаясь поудобнее.

– Починю – и будет!

– Да-а-а-а, – Чёрнсын подмигнул. – Тогда уж ни одна дуручка деревенская не устоит!

– Да я те ща в глаз дам, чтоб не говорил такого! – у Юрки лицо изменилось. – Олька – не дуручка! Просто не треплется абы с кем!

– Ну, это не я назвал её так! – подколот его Артур, и у Мэри сжалось сердце – так наивно-растерянно замер молодой человек.

– А Оленька, – мурлыкнул Чёрнсын. – прекрасная Снегурочка, вполне достойная стать Снежной Королевой!

– Я тебе от всех наших парней передаю, – набычившись, заявил ему Юрка. – Будешь к нашим девкам лезть – так уделаем, на карачках уползёшь, если сможешь, конечно.

– Ой, да зачем же мне? – ухмылка Артура стала ещё шире. – У меня – жена... в Городе...

– А тут, думаешь, б*** деревенские?

– Тебе виднее. Насчёт б*** твоих, – и он выразительно стрельнул глазами в сторону девушек.

Глеб, несмотря на всю свою тренированность, едва успел перехватить – и с трудом удерживал Юрика, ринувшегося в сторону Артура, который-то и бровью не повёл.

Сыпя угрозами и эпитетами, из которых самым мягким было «урою козла паскудного», молодой человек напрасно пытался вырваться «из рук Смерти», но и Глебу пришлось применить Энергетику, чтобы справиться с ним.

– Б***и? – выкрикнул Юрка. – У нас девки чистые, не то что ваши Питерские! Понавезли сук, моделёй пере***!

«Так, – отметила про себя Мэри. – Это моя часть наказания за "брачный контракт" с Глебом».

– Ты нашу Машку не трожь! – строго прикрикнула Валентина Макаровна.

Олег Петрович решительно поднялся, но Глеб крикнул:

– Сидите, батя, я сам!

Он встряхнул Юрика как тигр – огрызающегося волка:

– А ну, заткнись!

Тот не сдавался.

– Смирно! – рявкнул Глеб.

Рефлекс сработал: молодой человек замер и взглянул на него, словно проснувшись.

– Он – гость здесь! – Орлов говорил сквозь стиснутые зубы. – И жену мою приплетать не смей! Изволь уважать дом Орловых! Выйди на задки: шас приду – поговорим!

– Простите, баба Валя, – Юрка опустил глаза. – Олег Петрович...

– «Мария Михайловна!» – Голос Глеба прозвучал как приказ Генералиссимуса.

– Марья Михална... – не поднимая головы, молодой че-

ловек ушёл.

– Пойдём-ка, Оленька, я к твоей мамке схожу, пожалуйста... – Бабка вылезла из-за стола.

Подождав, пока девушки немного отойдут, Валентина Макаровна обернулась к Глебу:

– Ты аккуратней там давай!

Он понял.

– Мама, – прошептал он, обнимая её за плечи. – Я никогда больше не исчезну из вашей жизни!

– Спасибо тебе, сыночек! – она ответила ещё тише, погладив его щёку. – Кто бы ты ни был.

Он замер, потрясённый услышанным.

Не дожидаясь ответа, не оглядываясь, Валентина Макаровна «погнала» девах со двора словно овечек.

Орлов-младший помедлил.

Он сунул в карман хлеб и огурчиков и, прихватив пару бутылок, вышел на задворки.

– Ну, Артур Дариусыч... – начал было старик, но Чёрнсын повернул голову в его сторону, гордо и угрожающе как королевская кобра и, вспомнив ночную засаду, Олег Петрович почувствовал, как сердце замерло от страха.

Он тоже поднялся и ушёл в дом.

Чёрнсыны остались вдвоём.

– Какой-же ты подлец, – Мэри не смотрела на Артура. – Сам драться с Глебом струсил – мальчонку натравил!

– Что, боишься ему сил на тебя сегодня ночью не хватит? –

он подмигнул.

Когда Мэри тоже покинула навес, Артур рассмеялся.

Он откинулся назад, на спинку лавки, положил ноги на стол и рассматривал осиротевший дворик с тем же чувством, что и Отец его рассматривает поле боя после сражения.

* * * * *

Глеб вышел на задворки и сел на лавочку рядом с Юркой.

Профессионал, Орлов мгновенно заметил парней у дома напротив. Они вроде как просто «тусовались», кто сидел, кто курил, они даже не смотрели в их сторону, но вспомнив, как он боролся с Юриком там во дворе, Глеб прикинул: хватит ли у него и физических сил и Энергетики, если они накинута на него все скопом?

«Вот стыдоба будет, если парней придётся на подмогу звать», – он ухмыльнулся от этой мысли.

Достав рацию, он послал код: «Не вмешиваться ни при каких обстоятельствах».

– Что, начальнику своему отчитываетесь? – ехидно поинтересовался молодой человек.

Не отвечая, Глеб убрал рацию, а сам выложил на лист газеты принесённый им «закусон» и передал одну из бутылок Юре. Тот поставил её рядом с собой.

– Ну и г***нюк ваш начальничек-то, – Юрка покачал го-

ловой. – Я щас посидел тут, остыл маленько, подумал: об такого даже руки марать неохота.

– Да я сам знаю, что он м***д***, – искренне ответил Глеб, закуривая.

Он протянул молодому человеку начатую пачку

– Вроде твои любимые?

– «Любимые?» – восхищённо воскликнул Юрка, беря сигареты. – Да я только раз в жизни и попробовал! С тех пор даже и не мечтал...

– Ну, так возьми, – Орлов передал ему не раскупоренный блок. – Ребят угостишь. И скажи ты им то же самое, что и мне сейчас! Не тронь г*** – вонять не будет! Трепло он и провокатор, а так – как ужас безобидный.

– Да? – Юрик хмыкнул. – Я тут сено Бурюшке нашей ложил, так тама змей чёрный полз. Огромный. Не стал я разбираться, гадюка он или как – поддел вилами да в навозник!

Глеб только глаза закатил:

– Да ты знаешь, какие у него связи?

– Догадываюсь. Но у нас здесь свои правила. А со стороны сунутся – разговор короткий: ушёл, мол, в лес. С миноискателем не найдут.

– Если б это было так просто... – пробормотал Орлов. – Ребята, ну разбирайтесь со мной, если что. Я привёз его – мне и отвечать!

– А что вы так за него грудью стоите?

– Ты б «там» командира своего не закрыл бы? Контракт

у меня с ним, ясно тебе?

– Ясно, – отозвался Юрка угрюмо, прихлёбывая из принесённой бутылки. – Вот почему я и не остался, хоть мне и предлагали. Мать и так, когда я целым вернулся, неделю токо и рыдала, всё плакала, хваталась, перед людьми стыдно было. И крови на руках моих нет! А вон Степан-то, бабка Фрося говорит, до сих пор ночами вскрикивает. А ведь всего на три года раньше призвали. А чё вы ему протез-то привезли? Вы ж вовсе и не дружили особо?

– А это-то как всплыло? – изумился Орлов. – По пьяни проболтался?

– Да тут и дурак бы догадался! Вы как раз объявились. Мы-то разминулись с вами, в марте меня ещё здесь не было. А вы «Афгана» не боялись? – полюбопытствовал молодой человек. – Мамка говорила, в ваше время ещё посылали, а?

– В какой «Афган» на лыжах? – Глеб рассмеялся. – А там началась катавасия с распадом Союза, не до спорта стало...

– Это вы тогда-то с мафией связались?

– Откуда вообще эти разговоры пошли?

– Ну, – Юра пожал плечами. – Вроде как лет десять назад один из наших в Питер ездил. Не знаю толком, я клоп тогда совсем был. Но мать говорит: он всех уверял, что вы, дядь Глеб, киллер крутой, чуть ли не номер «раз». Да и в новостях вроде что-то проскочило.

– Ну, в новостях и не такое иной раз услышишь, – Глеб покачал головой.

– Мы тут далеко от Центра-то, а теперь кавказцы, выходит, и до нашей Вишнёвки добрались!

Глеб руками всплеснул.

– Какие на х*** «кавказцы»?! Итальянские корни у него!

– Ну, каждому не объяснишь...

Глеб провёл рукой по лицу: «Как я об этом нюансе не подумал? В голову прийти не могло!»

– А у него, правда, похоронное бюро? – продолжал Юрка расспрашивать.

– Да, что-то вроде этого.

– И вы там трупы режете?

– Ещё и катафалк вожу и охраной его ведаю.

– Жуть какая, – Юрка передёрнулся.

– Я видел, – заговорил Глеб снова, – как ты с тачкой своей возился. Там теперь движок новый – катай свою Ольку сколько вздумается!

– Правда, что ль? – спросил молодой человек неуверенно. – Когда ж вы успели? Я вчера только вечером...

– Сегодня днём.

– Это пока ваш начальничек Марью Михалну е***?

Глеба словно обухомшибанули.

– Дали бы вы ей пендаля хорошего, – продолжал Юрка, затыгиваясь, – пусть катится с вашим начальничком куда подальше. Да что вы, Глеб Олегыч, правда, не знали? Чё вы думаете, я так назвал её, извиняйте, конечно!

– Я ей ещё и не такое могу простить, – заговорил Орлов

медленно, – потому как ты в таком месте служил и такого на-
видался, что поймёшь. Жизнь она мне спасла. Да не одного
меня, а целую роту мужиков, в западню попавших. Я не уве-
рен, смог бы я сам повторить её подвиг, такой ценой ей это
досталось! Так настрадалась – не каждому врагу пожелаю!

– Её... что?..

– Да нет, Дьявол миловал, а Бог не допустил! Всё равно
на ней, буквально, живого места не было, когда я её увидел.

Юрка внимательно взглянул на него.

– Мужики-то поймут, а вот бабы – вряд ли.

– Поэтому-то я стараюсь её за ворота не пускать, – Глеб
хмыкнул, прихлёбывая.

– У вас чё, бутылка бездонная? – Юрка взболтнул свою,
проверяя оставшееся количество.

– Хорошо бы, – отозвался Орлов, только сейчас сообра-
зив, что наполнял бутылку с помощью Энергетики.

– А чё вы ваще вернулись-то?

– Я каждое лето теперь приезжать буду, – объяснил Глеб. –
Видел, племянник бабы моей какой задохлик? Мне дело
принципа его выходить. Тёща моя бывшая порчу на него на-
вела.

– Тёща может, – Юра кивнул без улыбки. – Я бабуся свою
люблю очень, но я уверен, что это она батяне моему крыси-
ный яд-то подсунула, а не он сам глотнул. Как раз он мамку
избил в очередной раз...

– Вот именно! Так что сеструху свою обижать и не думай!

– Дык она на этого гада лезет!

– Да уедет он скоро! Моя жена предыдущая, вот дочка-то как раз тёщина, из-за него и погибла. – Глеб глотнул прямо из горлышка.

– А вы, дядь Глеб, так на него и работаете?

– Платит хорошо, – объяснил Орлов мрачно. – А я её столько раз и предупреждал, и умолял – своих мозгов не вложишь. Думаешь, морду бы ей набил, поумнела бы?

– Ну, у нас говорят, баб учить нужно...

– Ты не мужик, если бьёшь того, кто слабее тебя. А в машине твоей я кнопочку установил, глушитель отключает. Выпендриваться захочешь – нажми, громче ракеты рычать будет.

– Спасибки! – Молодой человек глянул Глебу в глаза. – Помянем покойницу вашу? Как звали-то?

– Ядвига. Польша была.

– Дед в Польше служил, – Юрка понимающе кивнул. – Говорит, когда бабуся рядом нет, что девки там – «красоты неопишумой».

– Вот-вот.

Они выпили, не чокаясь, и Юрий направился к друзьям, а Глеб Орлов – к своему дому.

– Вроде твои любимые? ...Ребят угостишь.

Уже стемнело.

Глеб добрался до дома и почти не удивился, увидев своего Хозяина, сидящего на крыльце.

Тот курил и встретил своего компаньона без улыбки.

– Я не могу видеть вас в таком состоянии! – заговорил Глеб на итальянском. – Ну, зайдём в сарай – измочальте меня, душу отведите! Хоть ногами топчите! Неужели у вас даже мысль могла мелькнуть, что я сопротивляться вам буду? Мальчик мой, ну хочешь, я сам себе х*** оторву, только б тебе угодить!

– Да ладно, приятель, что мы из-за дамочек ссориться будем? – Чёрнсын затянулся. – Раз уж у неё так п*** чешется, лучше уж ты, чем какой-нибудь «Джерри» очередной. Мне здесь в принципе не нравится. Вроде и склоки, и пьянки, и мордобой бывает... А...

– Энергия светлая?

Артур кивнул.

– Зачем ты оставил его воспоминания? Жили себе тихо-мирно...

– Ну и поезжайте домой... А!!! – вдруг догадался Орлов. – Вот из-за чего вы хотите остаться! Смуту здесь устроить?

– А вот ты из-за чего? Что, с алкоголизмом вместе «любовь к отеческим гробам» втянул?

– Я знаю, что вам Даниель не очень нравится. Но я мальчонку не оставлю. Сами чувствуете, какие здесь Энергополя.

– Кто его родители? – Артур уставился на него как удав перед броском. – Почему вы так заботитесь о нём? Зачем блокируете информацию? Я уж проверил, думал, может быть, это сын Джерри? Что молчишь?

– Вы знаете, я не скажу это ни под какой пыткой.

– Вот меня-то это и волнует! Не хочется верить, что ты с жёнушкой моей какую-то пакость задумали.

– И правильно, что не верите. Ну и наказывайте меня! А дикари-то местные чем перед вами провинились? Что в каждом доме хоть одна-две иконки да стоит, и алкаш распоследний крестик нательный не снимает?

– Иди... спать! – окрысился на него Артур.

Он отбросил окурок и направился к летней кухоньке:

– И Мэри мне пришли! – бросил Чёрнсын через плечо.

* * * * *

Когда Глеб вошёл в спальню, Мэри не спала: в ночнушке, с шалью на плечах, она сидела на краю кровати.

Увидев Орлова-младшего, Мэри открыла было рот, но он обвёл рукой полукруг – и женщина исчезла.

Глеб вздохнул. Он проверил детей и уже начал раздеваться, когда Мэри снова возникла в комнате, ловко удержавшись на ногах.

Она молча подошла к Глебу и, подпрыгнув, залепила такую пощёчину, что у него в ушах зазвенело.

– Вообще-то, если следовать сценарию, – он улыбнулся. – Это я тебя бить должен. Вся деревня уж знает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.